

в различных проектах. Помню, как однажды Сергей Сергеевич понимающе засмеялся, когда я передала ему фразу В.М. Безотосного: «В этом году главное — выжить!». Тогда я и представить не могла, что в отношении него она окажется пророческой. В начале ноября 2012 г. всё шло своим чередом: мы с Сергеем Сергеевичем дописывали монографию, готовились к поездке во Францию на научную конференцию в Университете Кан-Нормандия. Уже обсуждали покупку авиабилетов, как вдруг утром 8 ноября его внезапно не стало. Это был удар, от которого было очень трудно оправиться. Книгу доделывали и сдавали в типографию уже без него. Но у меня не поднялась рука заключить фамилию Сергея Сергеевича в чёрную рамку: никак не могла принять тот факт, что его больше нет. Отсутствие траурной рамки я согласовала с Ольгой Леонидовной и Денисом Сергеевичем Секиринскими, попросив их тогда: «Пусть он ещё немного поживёт!».

Андрей Мамонов: Советы и заветы С.С. Секиринского

Andrey Mamonov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): The advice and precepts of S.S. Sekirinsky

DOI: 10.31857/S2949124X25020144, EDN: DQTWJP

С Сергеем Сергеевичем мне довелось познакомиться, ещё будучи школьником. В середине февраля 1992 г., учась в 10 классе, я делал доклад на импровизированной «конференции» в нашем «Ковшовском лицее» — московской школе № 210, где спортивные классы Общества «Динамо» причудливо, но совершенно бесконфликтно сочетались с гуманитарными (с «углублённым изучением истории»). Отведённый для мероприятия кабинет был полон — учащиеся из числа наиболее заинтересованных, оппоненты-старшеклассники, учителя, директор В.Л. Ковшов и, наконец, особое жюри — кандидаты исторических наук И.В. Карацуба и С.С. Секиринский. При этом Ирину Владимировну мы уже с 8 класса успели полюбить на внеурочных занятиях, а Сергея Сергеевича видели впервые. Молодые учёные и известные публицисты бывали в «лицее» не раз. Причём среди них встречались люди самых разных взглядов и увлечений — от Н.П. Соколова, уже тогда ходившего в крестовый поход против Александра Невского, и М.Е. Бычковой, сухо излагавшей детям геральдические и генеалогические сюжеты, до С.Н. Семанова и И.Р. Шафаревича, который рассказывал почему-то не о «русофобии» и диссидентстве, а о каких-то канадских медведях, чем сильно озадачил сбежавшихся на его лекцию подростков.

Но и на этом фоне Сергей Сергеевич выделялся и запоминался. Он был, кажется, первым, если не единственным, помимо собственно учителей, кто пришёл *не выступать*, а *выслушать* и откликнуться на наши незрелые речи и мысли, поддержать наивные дискуссии, подталкивая их участников к чему-то большему. И это дорогого стоило. Ведь нам уделял внимание учёный, которого мы знали как соавтора популярного тогда (и быстро забытого потом) двухтомника «Наше Отечество»³³. Для нас, учившихся на рубеже 1980–1990-х гг. без учебников, эта книга была очень важна. Конечно, её немного сумбурные очерки не заменяли систематическое пособие, и за *знаниями*, к примеру, о XIX в., при-

³³ Наше Отечество. Опыт политической истории. Т. 1. М., 1991.

ходило по-прежнему обращаться к А.А. Корнилову, чей курс, ещё не переизданный, читали на полустёртых ксерокопиях. «Наше Отечество» привлекало другим: широкими размышлениями о проблемах, требующих внимания, новых подходов и исследований, освобождающих историю из марксистско-ленинского савана. Причём речь вовсе не шла о замене одного «краткого курса» другим — авторы не скрывали, что сами не во всём согласны друг с другом и ожидают от читателей не столько солидарности, сколько живой и вдумчивой реакции. Поэтому даже не сильно раздражал антиимперский пафос второго тома, хотя нам в условиях развала страны история скорее давала надежду на то, что со временем всё вновь обернётся добровольно-принудительным обиранием земель, только уже без социалистического антуража. Мы, малолетние, ждали русского Бисмарка и вовсе не считали очередную распутную «весну народов» беспросветным «концом истории».

Впрочем, в 1992 г. Сергея Сергеевича представили ученикам не только как соавтора знаменитого альтернативного учебника, но и как редактора журнала «История СССР», незадолго до того получившего название «Отечественная история». Помня об этом, после доклада и вызванного им спора с Карацубой о П.А. Зайончковском (прочитанном мною в то время поверхностно и прямолинейно) и его оценках политики гр. М.Т. Лорис-Меликова, с которыми и сейчас не могу согласиться, рискнул подойти к Сергею Сергеевичу с довольно дерзким вопросом: «Что нужно, чтобы написать статью для “Отечественной истории”?». Как ни странно, он не рассмеялся, не напомнил, что сперва хорошо бы сосредоточиться на получении образования, специальности и проч., но предельно серьёзно ответил: «Сначала надо найти новый материал по Вашей теме, раскрывающий существенные и неизвестные ранее её аспекты. Именно он должен лежать в основе статьи. Ищите источник. Как найдёте, обязательно приходите». В его словах слышалось отнюдь не желание усладить подальше незваного автора, но уверенность в том, что собеседник непременно вернётся, решив поставленную задачу. Ведь в докладе упоминалось, что ещё в первых числах января мне по направлению от школы (слава архивной революции!) выдали пропуск в ЦГАОР, и теперь можно было уйти с головой в чтение подлинных документов и микрофильмов.

Сейчас совет Сергея Сергеевича может показаться банальным и очевидным. Но в начале 1990-х гг. это было не так. Нас увлекал пересмотр устоявшихся историографических конструкций, шумно рушившихся одна за другой на наших глазах, поиск аргументов в бесконечных дискуссиях о какой-нибудь умозрительной альтернативе или сомнительной, но поражающей воображение интерпретации. Вавилонская Идеология пала, но мы поневоле продолжали дышать пылью, поднимавшейся от её свежих развалин. И к пониманию приоритета источника, а не «актуальной проблематики», при осмыслении прошлого ещё нужно было прийти, хотя именно этот путь, открываясь, выглядел наиболее простым, верным и близким. Можно, конечно, сказать, что это совершенно разные вещи и «одно другому не мешает». Однако на деле зачастую ещё как мешает! Так или иначе, когда три года спустя мне пришлось писать свою первую студенческую статью, вспомнив совет Секирина, выстроил её вокруг писем П.А. Валуева к гр. М.Т. Лорис-Меликову.

За это время мы не раз пересекались с Сергеем Сергеевичем, уже как знакомые, в коридорах Исторической библиотеки (благодаря Т.Д. Дмитриевич все желающие в нашем «лицее» с 9 класса могли заниматься в учительском зале

(№ 5), оставили нас там и после поступления в университет). Больше всего запомнилась встреча в октябре 1993 г. на презентации книги «Родословная российской свободы»³⁴. Появилась она ещё летом, в глухой сезон экзаменов и отпусков, но читателям её представили в незабываемой атмосфере государственного переворота, в ходе которого конституция отменялась указом, перед телецентром расстреливали людей, в прямом эфире танки палили по депутатам, чернел Белый дом, а на полосах «Независимой газеты» красовались светлые пятна на месте изъятых цензурой статей. Казалось, все тогда были ошеломлены происходившими событиями, многие переживали их предельно болезненно и остро. Недоумение и растерянность преобладали и в Красном зале ГПИБ, где несколько десятков человек собрались под вечер обсуждать одно из первых отечественных исследований «русской либеральной традиции» XIX в. Сейчас трудно поверить, но на тот момент о ней было написано совсем немного. Всего через пару лет работы о русском либерализме начнут выпускать и переиздавать буквально одну за другой³⁵. Публика к ним быстро привыкнет. В 2010 г. выйдет даже энциклопедический справочник³⁶.

Однако ни до 1993 г., ни после никто не подходил к данному явлению так, как авторы «Родословной». Вместо привычного введения с неизбежными общими рассуждениями, терминологическими оговорками, историографическими отступлениями и проч. её открывал «Диалог авторов», не просто излагавший их намерения, симпатии и подходы, но и настраивавший на то, что пути русского либерализма, как и общественной мысли в целом, — не «предмет», который предстоит определить и измерить, а открытое пространство поисков и споров, вовлекающее исследователей и читателей в живую и непрекращающуюся историю. Использование театральной символики в оформлении книги и сами названия глав («либеральный пролог», «прототипы новой гражданственности», «драмы либеральной реформации», «действующие лица», «эпилог на революционных подмостках») побуждали видеть за текстом *действие*, раскрывающее идеи в поступках его участников. Либерализм же рассматривался не как учение, сотканное из принципов и силлогизмов, а скорее как стиль мышления и опыт «свободы в самоощущении человека»³⁷. Разумеется, многие утверждения и оценки авторов и в начале 1990-х гг. представлялись спорными, а теперь и подавно. Но ведь они и предполагали не постулирование идеалов, а продолжение свободной и вдумчивой дискуссии.

Сергей Сергеевич относился к разногласиям и разномыслию самым благожелательным образом. В этом я не раз убеждался на деле, начиная с 2001 г., когда всё же принёс в «Отечественную историю» рукопись своей статьи о политике гр. Лорис-Меликова. Занимались ею в журнале С.В. Тютюкин и И.А. Христофоров, но Сергей Сергеевич прочёл текст как член редколлегии. Новизна материала его, видимо, удовлетворила. Но за 10 лет наши взгляды на характер правительственного либерализма, реформаторский потенциал самодержавия

³⁴ Секиринский С.С., Филиппова Т.А. Родословная российской свободы. М., 1993.

³⁵ См., в частности: Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914 / Под ред. А.И. Солженицына. М., 1995; Секиринский С.С., Шелохаев В.В. Либерализм в России. Очерки истории (середина XIX — начало XX в.). Учебное пособие для высших учебных заведений. М., 1995; Гоголевский А.В. Очерки истории русского либерализма XIX — начала XX века. СПб., 1996; и др.

³⁶ Российский либерализм середины XVIII — начала XX века. Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2010.

³⁷ Секиринский С.С., Филиппова Т.А. Родословная российской свободы. С. 9.

и перспективы конституционных преобразований в России заметно разошлись. Тем не менее он не стал возражать против изложенных в рукописи выводов и рекомендовал лишь сделать небольшие сокращения, удалив некоторые второстепенные детали. Публикацию статьи он охотно поддержал и с добродушной иронией ободрял молодого автора, ничего не смыслившего в журнальных приёмах и процедурах.

Два года спустя, летом 2003 г., Тютюкин предложил мне в «Отечественной истории» место редактора отдела, и следующие семь с половиною лет мы работали с Сергеем Сергеевичем в одной комнате, сидя напротив друг друга. Всё это время с большим интересом наблюдал за его манерой и стилем общения с авторами и коллегами, за тем, как он читал рукописи и вёрстку, строил планы, рассуждал о возникавших проблемах, варил в нехитрой кофеварке изумительный кофе, которым щедро угощал присутствующих. Причём если Станислав Васильевич систематически учил меня редакторскому делу, то Сергей Сергеевич, несмотря на свой авторитет и наше давнее знакомство, деликатно дистанцировался от этого обучения и только делился собственным опытом и мыслями о том, как практичнее и проще решить очередную задачу. Делал он это неизменно с юмором и артистизмом.

В редакции он занимал особое положение, так как из шести редакторов отделов был на тот момент единственным доктором наук и членом редколлегии. Их отношения со Станиславом Васильевичем всегда отличались взаимным уважением и тактом, но близости между ними не чувствовалось. Сергей Сергеевич пользовался довольно широкой автономией и, кажется, дорожил ею. Он вполне самостоятельно делал значительную часть номера, его отдел считался основным, у него имелся свой круг авторов, не говоря уже о знакомствах едва ли не со всеми историками Москвы и многими региональными исследователями. Но если Тютюкин задумывал какую-то необычную рубрику, дискуссию или обсуждение книги, он привлекал к реализации данного замысла М.А. Рахматуллина, И.А. Христофорова и даже меня, но не Секиринского, который, со своей стороны, мог единолично и беспрепятственно готовить обширные подборки (например, по истории кино). Между ними словно бы шло *соревнование* — кто осуществит больше оригинальных идей и сделает журнал ярче. Но в *соперничестве* оно никогда не переходило. Более того, как раз с 2004 г. Сергей Сергеевич перенёс наиболее смелые свои эксперименты на страницы журнала «Историк и Художник». Впрочем, это вовсе не означало его отдаления от «Отечественной истории» — он по-прежнему нёс на себе огромную нагрузку и оставался незаменимым участником неформальных редакционных застолий.

Внезапное устранение Тютюкина с поста главного редактора в начале 2007 г., пожалуй, затронуло Секиринского меньше других. Конечно, его, как и всех нас, покорила та бесцеремонность, с которой это было сделано. Да и вмешательство А.Н. Сахарова в дела журнала ничего хорошего не сулило. Не случайно сразу же активизировались разные одиозные фигуры «антинорманистского» круга, мечтавшие превратить «Отечественную историю» в свою трибуну. С другой стороны, новый главный редактор А.Н. Медушевский, один из соавторов «Нашего Отечества» и тонкий знаток русского либерализма и конституционализма рубежа XIX–XX вв., принадлежал к тому же поколению, что и Сергей Сергеевич, и по убеждениям был ему даже ближе. С А.В. Голубевым, ставшим заместителем Медушевского, Секиринский и вовсе дружил.

В каком-то смысле Сергей Сергеевич оказался посредником между коллективом редакции и её новым руководством, далёким от традиций и повседневной жизни журнала. И всё же поначалу он был непривычно сдержан и напряжён. Программе Медушевского, предусматривавшей «радикальное изменение направления журнала», Секиринский не сочувствовал, считая её слишком отвлечённой, доктринёрской и нереалистичной. В итоге всё свелось к очередному переименованию (инициированному дирекцией Института российской истории РАН), которое, как выяснилось позднее, не смогли даже юридически корректно оформить, к перетасовке редколлегии, скорее ослабившей, чем усилившей её состав, к публикации, наряду с рецензиями, кратких аннотаций на новые книги и к непрерывному потоку концептуальных статей главного редактора по самым разным поводам и темам. Андрей Николаевич, видимо, считал своим долгом, подобно Л. Февру, вести «бои за историю» по всем фронтам³⁸. Читателей такой порыв, как правило, удивлял, и многим из них казалось, что главный редактор просто не может остановиться... Сергей Сергеевич убеждал его хотя иногда делать паузы, но всякий раз натывался на полное непонимание.

Вместе с тем и сам Секиринский пользовался в журнале полной свободой творчества. Это нашло яркое выражение в уникальном тематическом номере, целиком посвящённом истории Русского Севера³⁹. Над ним работала вся редакция, не исключая Медушевского, но затеял всё именно Сергей Сергеевич — ему принадлежал замысел, он привлекал и отбирал авторов в Москве и в Петрозаводске (куда специально выезжал вместе с Голубевым и другими коллегами), продумывал структуру, распределял материалы между редакторами и проч. Охват получился широкий, но Секиринский опасался, что при редактировании часть статей отпадёт, а другую придётся сильно сокращать, поэтому тексты включались в подборку с большим запасом. И в последний момент выяснилось, что вся эта масса, уже подготовленная и согласованная с авторами, не помещается в номер, даже если увеличить его объём до 256 страниц. Однако и тут Сергей Сергеевич и ответственный секретарь журнала М.А. Новикова нашли выход, уменьшив размер шрифта всех статей, кроме тех, которыми открывались рубрики. Наверное, никогда ещё у редакции не возникало столько хлопот, но, видя заинтересованность Сергея Сергеевича, каждый из нас хотел оказать ему всяческое содействие. К этому времени «Историк и Художник» уже прекратил своё существование, и мы ожидали, что Секиринский полностью сосредоточится на «Российской истории».

Ситуация же в журнале становилась всё хуже. Медушевский старался, пусть и не всегда успешно, противодействовать давлению со стороны Сахарова, разочаровавшегося под конец в своём протееже. Увы, не обходилось и без скандалов — одна публикация статьи Л.П. Грот с последующим её разоблачением В.А. Кучкиным⁴⁰ чего стоила... Но всё же рупором «антинорманистов» «Российская история» не стала. Странную «аналитическую историю» проповедовал, по сути, один главный редактор, так и не нашедший последователей. Между

³⁸ О его позиции см.: *Медушевский А.Н.* Аналитическая история: журнал и приоритетные направления его развития // Отечественная история. 2008. № 5; *Медушевский А.Н.* Мои бои за историю: как я был главным редактором журнала «Российская история» // Вестник Европы. 2012. № 33.

³⁹ Российская история. 2009. № 3.

⁴⁰ *Кучкин В.А.* Был ли Русский Север Варягией в праиндоевропейское время? // Российская история. 2010. № 4.

тем если назначение Медушевского в 2007 г. объяснялось необходимостью укрепления связей журнала с дирекцией ИРИ РАН, то в 2011 г. главный редактор вступил в открытый конфликт с новым директором Ю.А. Петровым. При этом весь коллектив редакции единодушно радовался произошедшим в Институте переменам и ждал от них только пользы. Все мы оказались в положении двусмысленном и аномальном.

Секиринский, вероятно, заранее предвидел это, поскольку уже в феврале 2011 г. оглушил нас своим решением покинуть журнал, где провёл без малого четверть века, и погрузиться в исследовательскую деятельность в институтском Центре по изучению отечественной культуры, который возглавлял Голубев. Мы продолжали работать в одном коридоре, точнее даже в соседних комнатах, и Сергей Сергеевич, остававшийся членом редколлегии, регулярно заходил к нам и терпеливо выслушивал наши сетования. С одной стороны, было понятно его желание хотя бы год отдохнуть от изматывающей журнальной «текучки» с безостановочным интеллектуальным конвейером номеров. Много обещало и его намерение написать большую книгу, в которой «наполеоновский сюжет» (сам по себе авантюрный и захватывающий) играл бы скорее роль «топора» для приготовления «каши», позволявшей объединить самые разнообразные наблюдения и размышления о русской истории XIX–XX вв. С другой стороны, никто не сомневался в том, что он являлся единственным человеком, способным вывести журнал из тупика.

От борьбы новой дирекции с Медушевским Секиринский решительно отстранился, поскольку участие в какой-либо «проработке», пусть даже и вынужденной, вовсе не входило в его планы. Он даже демонстративно, находясь в Центре, не пошёл 28 февраля 2012 г. на заседание Учёного совета ИРИ РАН, специально посвящённое проблемам «Российской истории». Однако с весны Сергей Сергеевич сначала неформально, а затем и официально возглавил нашу редакцию, к чему мы его всеми силами подталкивали, дабы поскорее завершить нелепо затянувшийся переходный период.

Вскоре после своего назначения главным редактором Сергей Сергеевич довольно неожиданно предложил мне стать одним из его заместителей. Это казалось несколько странным, так как, в отличие от Игоря Христофорова, я совершенно не годился для данной роли — ни по статусу, ни по опыту. Не совсем ясно было и то, зачем вообще понадобилось два заместителя, если и при Тютюкине, и при Медушевском даже для одного не всегда находилось занятие. Секиринский же вообще не нуждался в каких-либо заместителях. Однажды в 2008 или 2009 г. он прямо сказал, что мог бы и наш журнал вести один, но тогда лишился бы возможности заниматься чем-то ещё. Между тем среди его многочисленных друзей и знакомых были желающие занять почётную и ни к чему не обязывающую должность. Предпочтение любого из них огорчило бы остальных и дало повод для ненужных осложнений. А назначение двух молодых редакторов, по сути, ассистентов (один из которых к тому же месяцами находился в отъезде), никого не задевало, и заодно стимулировало нашу деятельность, подыгрывая самолюбию.

Помогать Сергею Сергеевичу было интересно, приятно, но далеко не просто. Признаюсь, порою ловил себя на том, что не успеваю не только обдумать, но даже как следует зафиксировать все его поручения и предложения, так стремительно они накладывались одно на другое. Удивляло то, что Сергей Сергеевич не только сообщал редакции проекты выступлений на заседаниях Учёного

совета ИРИ РАН и редколлегии журнала, но и вместе с нами проговаривал, уточнял, изменял их формулировки, взвешивая каждое слово и фактически превращая всех нас в своих соавторов. Вместе с тем, когда при редактировании статей для очередного номера возникали конфликты и недоразумения, он демонстрировал, казалось бы, несвойственную ему авторитарную решительность: без колебаний снимал готовившиеся к печати тексты, отклонял рукописи, причём всегда в таких случаях ставил интересы дела выше личных отношений даже с весьма влиятельными и обидчивыми людьми.

Практически сразу Секиринский взялся за изменение формата нашего издания. Смело увеличил размер шрифта, прежде почти нечитаемого, по-своему оформил заголовки, предложил ввести новую систему рубрик (каждая из которых не раз обсуждалась с редакторами). Осуществилась давняя моя мечта: на страницах «Российской истории» появилась буква «ё». При этом Сергей Сергеевич отнюдь не стремился поменять всё до неузнаваемости. Напротив, он дорожил традициями журнала и теми особенностями, которые указывали на его своеобразие. Так, летом 2012 г. зашла речь о том, чтобы перейти к более привычному для современных авторов виду сносок на архивные документы (в журнале они до сих пор выглядят так, как это было принято в 1957 г.). Секиринский на несколько минут задумался, выдержал паузу, а потом убеждённо выпалил: «Нет! У нас так сложилось изначально, это визуальное выражение нашей преемственности с прошедшими десятилетиями. И хорошо, что больше ни у кого этого нет — мы должны беречь собственное лицо и свою уникальность. В конце концов, не так много в России журналов, которым более 55 лет. Это нужно уважать». Так оно и осталось по-прежнему. Сохранились и устоявшиеся приёмы работы с текстами. Во всяком случае, мы с Игорем продолжали их редактировать так, как научил нас Станислав Васильевич, и, по мере сил, прибавляли к его «школе» новых сотрудников.

Большие надежды Сергей Сергеевич связывал с рубрикой «Диалог о книге». В журнале и раньше время от времени печатались «дискуссии» о монографиях, энциклопедиях, исторической публицистике. Собственно опубликованные в 2012 г. материалы заочного «круглого стола», посвящённого книге М.Д. Долбилова⁴¹ и организованного при непосредственном участии Сергея Сергеевича и Игоря Анатольевича, и послужили поводом для обобщения и развития данной практики. Предполагалось, что впредь два-три «диалога» о наиболее значимых исследованиях и публикациях источников будут размещаться в каждом номере и задавать ему тон. Правда, характер этих материалов мы с Сергеем Сергеевичем понимали совершенно по-разному. Мне представлялось оптимальным, если «диалог» сведётся к серии размышлений и откликов историков на заинтересовавшее их произведение. Сергей Сергеевич хотел иного — острых научных и мировоззренческих споров, столкновений идейных оппонентов вокруг новейшей литературы. Именно их он собирался приглашать к «диалогу». Перспектива устроить в печати «драку» его не только не смущала, но чем-то даже вдохновляла. Наверняка он исходил из того, что при помощи своего редакторского мастерства сумеет придать этим стычкам приличный академический вид. Принципы отбора книг также оставались неопределёнными.

⁴¹ Долбиров М.Д. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010; «Круглый стол» Империя, нации и конфессиональная политика в эпоху реформ // Российская история. 2012. № 4. С. 47–93.

Изначально Секиринский полностью полагался на свой и наш с Игорем вкус. Во всяком случае, инициатива проведения «диалога» должна была исходить исключительно от редакции. Но затем допускалась и возможность пойти навстречу читателям, готовым к содержательному разговору о том или ином издании.

Много времени и сил отняло у Секиринского формирование новых коллегиальных органов управления журналом. В заметно расширенную редколлегия вошли все действовавшие на тот момент редакторы отделов. Одновременно создавался более статусный и представительный Редакционный совет, функционально даже не дублировавший, а просто дополнявший редколлегию. Их общая численность (а они созывались всегда вместе) превышала 50 человек. Разумеется, собирать их стало возможно лишь для сообщения и обсуждения наиболее важной информации, касающейся судьбы журнала. Прежнее коллегиальное обсуждение отдельных статей оказалось уже практически невозможным (за последующие 12 лет его попытались провести всего один раз). Поступавшие материалы теперь просто направлялись на отзыв членам редколлегии и редсовета в соответствии с их специальностью и научными интересами. Зато круг самих рецензентов удалось существенно увеличить.

Единственное состоявшееся при жизни Сергея Сергеевича соединённое заседание редколлегии и редсовета «Российской истории» напоминало скорее не рабочее совещание, а встречи Клуба друзей журнала «Историк и Художник». Всё было тщательно подготовлено и прошло ярко, содержательно и празднично. Не хватало лишь конкурсов... Но небольшой фуршет по окончании был. И за всем этим просматривалась заветная мысль Секиринского: преобразовать журнал из сугубо научно-бюрократического учреждения в центр живого общения представителей исследовательского сообщества. Собрания расширенных коллегиальных органов предназначались явно для чего-то подобного. А впоследствии главный редактор надеялся дополнить их образованием ещё более широкого и свободного Клуба друзей — теперь уже журнала «Российская история». Обширные знакомства Сергея Сергеевича, его редкая коммуникабельность и незаурядный талант привлекать к себе и к своему делу самых разных людей позволяли рассчитывать на успех задуманного и возникновение в нашем учёном мире чего-то доселе небывалого...

Всё это делалось в бешеном темпе, параллельно с обычной редакционной работой (и не в ущерб ей). Цена данной гонки оказалась слишком высока, а результаты — далеки от ожидавшихся... И всё же до сих пор журнал «Российская история» движется и вертится во многом благодаря тому импульсу, который ему придал в 2012 г. Сергей Сергеевич Секиринский.